

— Дяо Вэй.
«Grassland». 2010

— Ай Вэйвэй.
«Junkyard Monument». 2006

— Ай Вэйвэй.
«Descending Light with a Missing Circle». 2017

— Schloss Mauensee
с высоты птичьего полета

важно не смог пройти мимо. Многих кураторов и коллекционеров потрясло увиденное. Показанные тогда авторы были и у меня в коллекции, и некоторые критики обвиняли меня в том, что именно я посоветовал их.

Однако главными принципами моей коллекции всегда были абсолютная независимость и академический подход. Я не влиял на выбор Зеемана, но поскольку собирал глубокую, «институциональную» коллекцию, то в ней оказались и те художники.

Какая ситуация сейчас на рынке современного китайского искусства? В портфолио всех самых влиятельных галерей есть авторы из Китая, а на аукционах цены на их работы растут...

Уже нет. Многие коллекционеры из КНР, которые начинали с покупки именно китайского искусства и тем самым формировали и поддерживали высокие цены на него, теперь больше увлечены западным искусством. Это смещение интересов в огромной степени повлияло на рынок китайского современного искусства. Многие галереи закрываются, аукционы очень аккуратно относятся к тому, что выставлять на торги.

Цены будут продолжать снижаться?

Те художники, которые были на самой вершине и продавались за огромные деньги, там же и останутся. Наибольшая коррекция происходит с рынком работ, которые стоили меньше \$10 млн, а также в среднем ценовом сегменте. Так, Ю Минджун раньше на аукционах продавался стабильно за \$7–8 млн, а теперь еле дотягивает до одного. Половина тех художников, которые вышли на европейские рынки благодаря своей высокой цене, потеряли как минимум половину своей стоимости.

На ваш взгляд, российское современное искусство непопулярно в мире, потому что про него мало кто знает? Или из-за того, что российские коллекционеры не инвестируют в него, как это делают китайские?

До начала 2000-х китайское современное искусство существовало только за счет нескольких иностранных коллекционеров, китайцы его вообще не покупали. Рынок фактически сделали как раз эти несколько человек. В России, возможно, современным российским искусством интересуются не самые состоятельные люди, а те, у кого не так много денег, зато есть вкус. Но создать или повлиять на развитие рынка из-за недостаточного количества имеющихся свободных средств они не могут, как и обратить внимание на это искусство в мире. Большие международные галереи, которые могли бы повлиять на восприятие того или иного художника в международном сообществе, интересуются прежде всего дорогим искусством, которое стоит \$100 тыс. или даже \$500 тыс. и выше. Им не очень интересно брать то, что оценивается в \$5–10 тыс., и начинать его продвигать, это долго и дорого. Насколько я понимаю, современного искусства, которое бы стоило дорого, в России пока нет. Поэтому первый шаг должны сделать состоятельные коллекционеры. Есть и еще один важный момент. Чтобы рынок появился, должно существовать достаточное количество работ очень высокого качества, должна быть достигнута критическая масса, при которой они уже не могут оставаться незамеченными. Есть ли они в России? Я, к сожалению, ничего про это не знаю.

Вопрос для глубокого изучения.

Если бы я был русским, то обязательно бы им занялся. В 2017 году я был в Москве по приглашению музея «Гараж», где показывали документальный фильм про мою коллекцию. Я тогда просил отвезти меня в музей или к частному коллекционеру, где бы можно было увидеть срез современного искусства России за последние несколько десятилетий. Но мне сказали, что такого места нет... Как раз эта идея — показать срез искусства за определенный период — появилась у создателя музея М+, которому я передал часть своей коллекции.

Кто и как отбирал эти работы?

Этим занимался я, собрав главные образцы китайского искусства с 1970-х по 2012 год, — в этом году был заключен договор дарения. В общей сложности 95% важных работ моей коллекции отправятся туда в 2020 году, когда откроется музей. Многие китайские журналисты и арт-деятели обсуждали, почему я не передал всю коллекцию целиком. Ответ может быть простым: когда Уоррен Баффетт или Билл Гейтс сообщают о том, что готовы пожертвовать половину своего состояния, вы ведь не спрашиваете, почему они не отдадут все? На самом деле я бы отдал часть коллекции, которую для них подготовил, бесплатно, но они предложили перечислить 10% ее стоимости, и я не стал отказываться (1453 предмета были переданы безвозмездно, а за 47 Сигг получил эквивалент рыночной стоимости, при этом стоимость всего дара была оценена в \$163 млн, а проданная часть работ — в \$22,7 млн. — «Ъ-Арт»). При этом китайское правительство или налогоплательщики не заплатили из этой суммы ничего, все это деньги мецената, который решил открыть музей, посвященный современному китайскому искусству.

Какова ваша задача в новом пространстве Cube.Moscow?

Я познакомился с одним из основателей проекта, Надеждой Зиновской, больше двух лет назад. Учитывая мой опыт участия в становлении и развитии китайского арт-рынка, московский проект показался мне любопытным с точки зрения изучения местного контекста. Но я сразу отметил, что если это будет исключительно коммерческое предприятие, то мне оно будет неинтересно. Думаю, из этой инициативы может что-то получиться. Сразу оговорюсь, что я не знаю глубоко российский рынок, но собираюсь помочь с приглашением известных международных коллекционеров, а также узнать здесь что-то новое. Возможно, местному рынку как раз нужна ролевая модель, влиятельный и состоятельный или медийный человек, который поверит в российское современное искусство и даст ему определенную перспективу, как это произошло в Китае.

Вы продолжаете коллекционировать до сих пор?

Да. Это не так легко бросить.

Беседовал Александр Шуренков